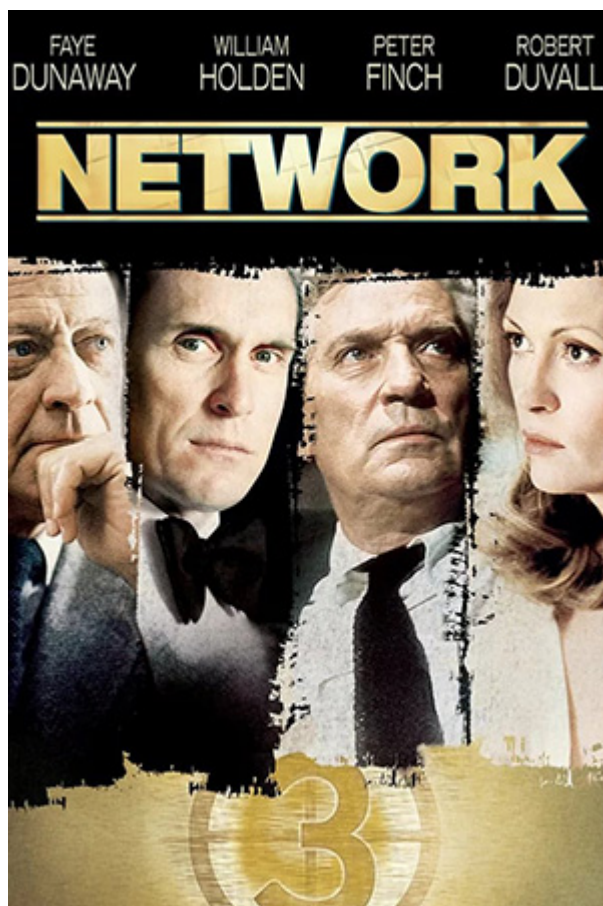

Мартин Лихтмесц

«Телесеть» (Network) – классический фильм о системе систем

Автор: Мартин Лихтмесц, журнал Sezession, номер 72 за июнь 2016 г.

«Телесеть» (Network), фильм режиссера Сидни Люмета по оригинальному сценарию Пэдди Чаефски, был впервые показан в американских кинотеатрах в ноябре 1976 года и в следующем году получил четыре премии «Оскар». Спустя сорок лет этот фильм считается в США канонизированной национальной классикой, тогда как один из его основных персонажей, «гневный» телевизионный пророк Говард Бил, так же, как Крестный отец или Грязный Гарри относится к иконам среди киногероев семидесятых годов.

В центральной сцене фильма, которую, пожалуй, помнит каждый, кто видел «Телесеть», спятивший от отчаяния диктор программы новостей Бил, которому

предстоит скорое увольнение, произносит в прямом эфире перед работающей телекамерой стихийную поджигательскую речь о положении Америки и «плохих» временах полной депрессии, безработицы и преступности, в конце которой он призывает своих зрителей превратиться в «яростных граждан» и, наконец, громким криком выплеснуть свое разочарование всему миру: «Я ничего не знаю о депрессии, инфляциях, бюджетах, русских, уличной преступности, всё что я знаю – вам надо разозлиться. Вы должны сказать: «Я человек, чёрт возьми, моя жизнь чего-то стоит...» Итак, теперь я хочу, чтобы вы встали! Я хочу, чтобы вы прямо сейчас встали, подошли к окну, открыли его, высунули наружу голову и закричали: **ВЫ ВСЕ МОЖЕТЕ ПОЦЕЛОВАТЬ МЕНЯ В ЗАДНИЦУ, Я БОЛЬШЕ НЕ БУДУ ЭТО ТЕРПЕТЬ!**» – после чего по всей стране действительно доходит до «тимотических» беспорядков.

Pars pro toto (как часть вместо целого) Люмет показывает задний двор одного многоквартирного дома, окна и балконы которого все больше заполняются невольно кричащими, радостно протестующими людьми, и одновременно бушует гроза с молниями и ливнем. В первоначальной редакции фильма фраза звучит так: «I'm as mad as hell and I am not going take it anymore!» – «Я зол как чёрт, и я больше не буду это терпеть!»

Этот знаменитый апогей происходит приблизительно в середине фильма, мишенью которого, как кажется, сначала является в первую очередь яркий, «гламурный», оболванивающий бизнес коммерческого телевидения. Автор сценария Чаефски, родившийся в 1923 году сын еврейских иммигрантов из Украины, к 1976 году уже успел завоевать две премии «Оскар». Чаефски был одним из самых успешных авторов на Бродвее и телесценаристов и считался нетрадиционным левым, в то время, когда левые еще вполне могли приводить «культурно-консервативные» аргументы. Если верить его биографу Дэйву Ицкоффу, Чаефски в телевидении ненавидел «кричаще-гламурную глупость, бездумное следование моде и его пристрастие к погоне за эффектом; низведение всего того, что было неповторимым и ценным в американской культуре, к основному питанию игровых шоу, телесериалов, песен и танцев; его тенденция принуждать каждого зрителя в одно и то же время к одной и той же мысли; и его общую нехватку художественной честности».

Вместе с Чаефски в эту игру вступил Сидни Люмет, почти ровесник Чаефски, тоже еврей и тоже левый, который считался цельным и честным человеком в художественном и политическом отношении. Трезвый, натуралистический стиль Люмета как бы несколько охлаждал тягу Чаефски к непомерному гротеску, вследствие чего «Телесеть» стала своеобразным эквилибристическим номером, балансируя между абсурдистским преувеличением и отстраненной, интеллектуальной культурной критикой. Смелые повествовательные эллипсы и монтажи

разделяют фильм на почти фрагментарные сцены, которые сам зритель должен связывать друг с другом; в противоположность к эстетике телевидения некоторые существенные сцены происходят почти мимоходом. Много деталей остаются без полного объяснения. Сорвавшийся с цепи, спивающийся, все время думающий о самоубийстве Бил (актер Питер Финч) действует сначала из чистого ожесточения, не способный и дальше принимать участие в спектакле «лживой прессы», с асоциальной дерзостью человека, которому больше нечего терять. Сначала он объявляет, что хочет публично совершить самоубийство, что он комментирует в следующей передаче таким образом: «Согласен, немного безумно. Но я внезапно увидел, какое все это дерьмо». В оригинале: «I just ran out of bullshit», что можно примерно перевести так: «Мне просто больше в голову не пришло никакое дерьмо (или «никакая чушь»), о чем я мог бы рассказать». Внезапно он заводит речь о вещах, которым нет места в опиумном притоне индустрии развлечений: ««Дерьмо», это правильное наименование для нашей жизни. Мы все не знаем, почему мы должны подвергаться этим мучениям и бессмысленным унижениям».

«>Потребители всех стран, объединяйтесь!< Земля должна быть нивелирована до одного гигантского универмага. Человек должен быть сведен до структуры личности постоянной монады производства и потребления».

Ульрих Шахт

«Искренняя» откровенность позволяет рейтингам его передачи снова резко подскочить вверх, и озабоченная только своей карьерой руководительница его программы, сыгранная актрисой Фэй Данауэй, первой чувствует гигантскую прибыль, которую можно получить с помощью «гневных программ против культуры, против истеблишмента». Для этого ей должен послужить не только Бил, «пророк» «человека на улице», но и агрессивная черная коммунистка по образцу Анжелы Дэвис, при посредничестве которой руководительница программы заключает сделку с левоэкстремистской террористической группой «Экуменистическая армия освобождения», которую можно использовать для реалити-шоу «Час Мао Цзэдуна» с волнующим киноматериалом настоящих терактов, похищений и ограблений банков. Тем самым, естественно, любая претензия политического радикализма, также как тимотического восстания против вторичного мира доводится до абсурда и снова превращается в позу, шоу, предмет потребления и голое развлечение, и вместе с тем нейтрализуется.

Поворот наступает тогда, когда у Била однажды ночью происходит почти демоническое видение, которое он интерпретирует как божественный голос, который теперь окончательно подтверждает его миссию. Отныне Бил, кажется, становится жертвой настоящего, эйфоризирующего психоза. Только после этого видения следует его речь с легендарными словами «Mad as hell». В то время как маркетинг его «пророчествования», очевидно, становится все более сенсационалистским и лицемерным, Бил неуклонно следует своим курсом, очевидно, не видя нового «дерьма» («bullshit»), которое строится вокруг него и которое парадоксальным образом подтверждает его послание: «Этот телеящик – это евангелие, последнее откровение. Этот ящик делает и свергает президентов, римских пап и премьер-министров. Эта ящик – страшнейшая дьявольская сила в этом безбожном мире. И горе нам, если он попадает в руки не тех людей!

И когда крупнейшая корпорация в мире, контролирует самую жуткую, дьявольскую пропагандистскую машину во всем этом безбожном мире кто знает, какую хрень они впрут вам в качестве правды?! Слушайте меня! Слушайте меня!

Телевидение – это не правда. Телевидение – это проклятый луна-парк! Телевидение – это цирк, карнавал, шапито с акробатами, гадалками, танцорами, певцами, жонглерами, клоунами, укротителями львов и футболистами. Мы убиваем вашу скуку за деньги. А вы сидите там, день за днем, и даже ночью всех возрастов, любого цвета кожи и вероисповедания. Мы – это все, что вы знаете. И вы начинаете верить в те иллюзии, которые мы тут раскручиваем. Вы верите, что реальность – это ящик, а не ваша жизнь. Вы делаете то, что ящик говорит вам! Вы одеваетесь как в ящике, едите то, что в ящике, воспитываете своих детей, как в ящике, вы даже думаете, как этот ящик. Это – массовое безумие! Вы маньяки! Ради бога, вы – это реальность! Мы – иллюзия!»

Его речь достигает апогея в призыве выключить телевизор, наконец, после чего он падает, теряя сознание в пророческом экстазе, в то время как кран камеры как гадюка спешит к лежащему на полу Билу, чтобы снять его крупным планом. Звучит джазовый туш, и публика с аплодисментами поднимается со своих мест, подстрекаемая профессиональными аниматорами.

Однако забава подходит к концу, когда Бил в следующей своей речи разоблачает продажу американских средств и предприятий массовой информации иностранным государствам – саудовцы не только вскоре должны были приобрести телекомпанию, где работает он сам, но они уже скупил полстраны и дюжины американских обществ. «Есть только одна сила, которая может предотвратить это», – бушует Бил, – «и эта сила – вы!» Он просит его зрителей, чтобы они высыпали Белый дом телеграммами протеста. Теперь Бил перешел точно ту красную линию, которую до сегодняшнего дня не позволено переходить никому, кто

хочет, чтобы его терпели как бунтаря или оппозиционера или даже чтобы его полностью включили в спектакль: Так как он призывает к демократически-патриотическому народному восстанию, чтобы спасти суверенитет нации от вмешательства чуждых, плутократических сил. Это тот Рубикон, перед которым также сегодня стоит каждый левый, который всерьез высказывает свою критику глобализма и капитализма. Если он последовательно додумывает до конца эти вещи, то он должен будет понять, что именно большой бизнес крайне заинтересован в том, чтобы устранить суверенитет наций и их народов. Однако, Бил еще не усвоил свой урок полностью.

«Общество-носитель спектакля господствует над слаборазвитыми регионами не только с помощью экономической гегемонии, но в качестве общества спектакля. Современное общество в облике спектакля захватило уже все континенты; даже там, где ещё не имеется должной материальной базы, спектакль раскинул свои тенёта. Общество спектакля диктует программу правящему классу и участвует в его формировании. Подобно тому, как оно предоставляет псевдо-блага для их вождения, оно предлагает местным революционерам фальшивые модели революции. Спектакль с бюрократической моделью власти, довлеющий над некоторыми индустриальными странами, на самом деле, является неотъемлемой частью всемирного спектакля – одновременно его псевдо-отрицанием и опорой. В любом случае, спектакль для каждого общества по-своему определяет тоталитарные задачи для аппарата коммуникации и администрирования; однако эти задачи на уровне глобального функционирования системы участвуют в мировом разделении задач спектакля».

Гай Дебор: «Общество спектакля» (1967)

«Новое буржуазное господство нуждается именно в потребителях с исключительно прагматичным и гедонистическим менталитетом; так как цикл производства и потребления наиболее безупречно совершается в техницизированном и чисто земном мире».

Пьер Паоло Пазолини

Он достигает окончательного просветления в, пожалуй, самой гениальной сцене фильма, в которой ему снова почти сюрреалистическим способом открывается «божественное» существо. Телевизионные главари объяты ужасом из-за того, что Бил разболтал об их сделке с арабами. Дженсен, шеф телекомпании, вызывает Била в огромный обставленный по-царски барочным искусством конференц-зал, где он занимает место в конце длинного стола. Дженсен задерживает

шторы, и в этой «Валгалле», как он называет этот зал, становится темно. Только лишь люстры и лампы на столе горят приглушенным светом. Внезапно Дженсен начинает, с неожиданно гремющей театральностью, свою речь, в которой открываются настоящие космические силы, сети всех сетей, и силы, которые этими сетями управляют. И они не имеют никакого отношения к власти народа и к гневу разгневанных граждан: «Вы связались с первородными силами природы, господин Бил! Вы старый человек, мыслящий категориями наций и народов. Но наций нет, нет народов, нет русских, нет арабов, нет стран Третьего мира, нет Запада, есть только одна единственная, большая, целостная система систем. Одно широкое, переплетенное, могущественное, мультинациональное доминирование доллара. Нефтедоллары, электро-доллары, мульти-доллары, немецкие марки, гульдены, кроны, рубли, фунты, шекели, т.е. любой вид денег. Это международная система расчетов, которая определяет общность жизни на этой планете. Сегодня это естественный порядок вещей. Сегодня это атомарная и субатомарная, галактическая структура вещей. Вы появляетесь на своем смешном маленьком экранчике и рассуждаете об Америке и демократии. Америки нет, демократии нет. Есть только IBM и ИТТ, и AT&T и DuPont, Dow, Union Carbide и Exxon. Сегодня они являются нациями мира».

Однако этот мир под господством менеджеров, всемирных концернов и тотальной экономизации всех сфер жизни однажды возвестит о мирном конце истории, заменит политику экономикой и осуществит утопию капитального либерализма: «Наши дети застанут его, этот идеальный мир, в котором нет ни войн, ни голода, ни угнетения, ни жестокости. Огромная всемирная холдинг-компания, на которую будут работать все люди, чтобы получить общую прибыль, и у всех

людей будет определенная доля в этом обществе. Все потребности будут удовлетворены. Страх и ужас исчезнут, и скуки тоже больше не будет». Дженсен объясняет Билу, что он избрал его, чтобы он «провозглашал это евангелие». Почему? «Потому что вы – на телевидении, болван. Шестьдесят миллионов человек смотрят вас каждый вечер».

«Я видел лицо Бога», отвечает Бил почтительно. Когда он снова появляется на экране, чтобы провозгласить эту «космологию концернов», он придает ей, тем не менее, поразительный поворот. Сначала он хвалит успех протеста миллионов телезрителей и их борьбы «за свое наследие», так как сделка с арабами якобы была отменена в последнюю секунду: «Народ сказал, народ победил. Это была грандиозная демонстрация демократии». Но большего не стоило бы ожидать. «Не нужно предполагать, что что-то подобное произойдет еще раз. Так как глубоко в душе мы знаем, что демократия – это умирающий великан, дряхлая, смертельно больная политическая программа, которая корчится в последних муках». При этом имеются в виду вовсе не США как мировая держава, отнюдь нет. Нет, «это индивидуум, которому приходит конец. Это неповторимое, отдельное человеческое существо, которому приходит конец. Каждому из вас, каждому отдельному человеку из вас приходит конец».

Если его посланием раньше еще было: «Всю власть народу» и якобы суверенным индивидуумам, из которых этот народ состоит, то теперь Бил рисует мрачную картину «Прекрасного нового мира», в котором индивидуум будет заменяемой, бессильной цифрой: «Народы всего мира будут массово-произведенными, массово-запрограммированными, пронумерованными, бесчувственными предметами». Это кажется оборотной стороной или критикой утопии Дженсена; во всяком случае, Бил теперь откровенно проповедует то, что он узнал: то, что демократические средства бесполезны против господствующих властей, что каждое восстание – это лишь суррогат, а каждое популистское воззвание – иллюзия. Удручающее послание, которое никто больше не хочет слышать, и особенно не хочет его слушать бывшая постоянная публика, состоящая из людей в возрасте от 18 до 35 лет. Рейтинги Била снова безудержно падают вниз, но Дженсен по непонятной причине настаивает на том, чтобы передача Била оставалась в программе. Затем продюсеры программы решают натравить звезд «Часа Мао Цзэдуна» на ставшего надоедливым пророка. Террористы расстреливают Била перед камерами в прямом эфире, и, естественно, на этот раз операторская тележка также привычным образом подкатывается к запачканному кровью лицу мертвеца. «Это была история Говарда Била, первый получивший известность случай человека, который был убит из-за низких рейтингов».

Так же, как сегодня, уже в фильме Люмета левых экстремистов сделали пособниками и палачами глобального капитализма. Сформулированная Дженсеном утопия по-прежнему остается идеалом для глобальных элит, которые также форсируют великую замену населения в Европе, которая идеологически также базируется на сведении человека к чисто экономическому понятию.

В 1996 году Панайотис Кондилис писал: «Суть сегодняшнего международного положения – это расширение производящей и потребляющей массовой демократии, постоянный рост ожиданий в мире и поэтому также обострение конкуренции, которое может стать опасным под давлением экологических и демографических факторов». Причем эта «массовая демократия», как можно было бы заметить, – это, собственно, пост-демократия или имитационная демократия, которая больше не имеет ничего общего с «популистским» пониманием демократии Била, как она представлена сегодня, например, движением «Оккупай» и ПЕГИДА. Миф о том, что демократическое бешенство совершеннолетних граждан могло бы победить левиафана глобализации, – это и дальше одна из последних соломинок, за которую цепляются политические оппоненты и диссиденты слева и справа; комментарий «Телесети» оказывается в этом плане скорее пессимистичным.

«Мы торгуем иллюзиями, ничего из них не является правдой. Мы убиваем вашу скуку за деньги. А вы сидите там, день за днем, и даже ночью всех возрастов, любого цвета кожи и вероисповедания. Мы – это все, что вы знаете. И вы начинаете верить в те иллюзии, которые мы тут раскручиваем. Вы верите, что реальность – это ящик, а не ваша жизнь. Вы делаете то, что ящик говорит вам! Вы одеваетесь как в ящике, едите то, что в ящике, воспитываете своих детей, как в ящике, вы даже думаете, как этот ящик. Это – массовое безумие! Вы маньяки! Ради бога, вы – это реальность! Мы – иллюзия! Итак, выключите ваши телевизоры, выключите их, выключите их прямо сейчас, выключите их и не включайте их снова!»

Говард Бил

Библиотека Велесова Слобода, 2017 г.